

ЗАПИСКИ

Енисейскаго Епархіального противораскольническаго миссіонера.

Въ Августѣ мѣсяцѣ сего 1896 года мною совершена была поѣздка въ Имисскій приходъ Минусинскаго окр. Цѣль поѣздки была — ознакомиться съ существующими тамъ старообрядцами и сектантами и побесѣдовать съ ними. 3-го Августа я выѣхалъ

изъ Минусинска, часа въ 3 по полудни, по направленію къ деревнѣ „Нички“, отстоящей отъ города въ 25 верстахъ. Лошади у меня были свои и свой кучеръ, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, воспитанникъ народнаго училища. Въ Нички мы прибыли уже ночью, часу въ одиннадцатомъ, замедливъ въ пути по нѣкоторымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, происшедшимъ отъ неопытности кучера.

Переночевавъ въ Ничкахъ, мы отправились въ деревню Таскину, принадлежащую къ Кочергинскому приходу. Въ этой деревнѣ имѣются старообрядцы. Пользуясь праздничнымъ временемъ, я пригласилъ ихъ на собесѣдованіе.

Предъ началомъ бесѣды я пропѣлъ молитву предъ св. иконами и обратился къ старообрядцамъ съ краткимъ словомъ, въ которомъ доказывалъ, что церковь православная чрезъ исправленіе обрядовъ не могла потерять православія, какъ думаютъ старообрядцы, ибо она всегда имѣла и имѣетъ неотъемлемое право исправлять богослужебные обряды. Догматовъ же вѣры церковь не касалась, чрезъ нарушеніе которыхъ она только и могла бы потерять свое православіе, какъ это случилось съ Латинскою церковію, измѣнившею догматическое православное ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Бога Отца, научая вѣровать, что Духъ Святой исходитъ и отъ Сына.

Что Церковь имѣла право исправлять обрядовыя вещи, мною подтверждено было примѣрами древней церкви; я указалъ, во первыхъ, на обычай древнихъ христіанъ праздновать Пасху вмѣстѣ съ Іудеями, каковой обычай впоследствии былъ отмѣненъ; во вторыхъ, на правила 11 и 19 Лаодикійскаго собора, 102 правило 6-го Вселенскаго собора, свидѣтельствующія объ отмѣнѣ, забвеніи и замѣнѣ древнихъ обычаевъ новыми, и въ третьихъ, на слово св. Василія Великаго, обличавшее неокесарійцевъ въ отдѣленіи ихъ отъ единства церковнаго, по причинѣ измѣненія нѣкоторыхъ обрядовъ, псалмовъ, молитвъ и пѣснопѣвній.

Старообрядцы увѣряли, что по утвержденіи догматовъ, чиновъ и обрядовъ на седьми вселенскихъ соборахъ, Церковь уже ничего изъ того, что утверждено, не могла что либо прибавлять или убавлять.

Я отвѣтилъ: По отношенію къ догматамъ сказанное справедливо; церковь, дѣйствительно, утвержденное на святыхъ Вселенскихъ соборахъ вѣроученіе не могла измѣнять, ни прибавлять что либо, ни убавлять. По отношенію же къ обрядовымъ предметамъ не справедливо, такъ какъ мы видимъ изъ историческихъ свидѣтельствъ, что церковь и послѣ седьми вселенскихъ соборовъ дѣлала добавленія въ порядкѣ службъ церковныхъ.

Старообрядцы спросили меня, могу ли я указать хотя на одно историческое свидѣтельство, изъ котораго видно было бы, что церковь, дѣйствительно, дѣлала добавленія въ предметахъ недогматическихъ. Я привелъ имъ слѣдующее свидѣтельство изъ книги о Вѣрѣ: „По седьмомъ убо соборѣ, Θεодоръ Студитъ, и братъ его Іосифъ, епископъ Θεссалоникскій книгу тріодъ написаста вземше благовременіе отъ великаго риѣотворца Козмы епископа маумскаго“ (л. 136). Вотъ видите ли, говорилъ я старообрядцамъ, тріодъ, книга богослужебная, послѣ седьмаго вселенскаго собора была написана; слѣдовательно всѣ, изложенныя въ этой книгѣ тропари и другія пѣснопѣнія если и были читаны и пѣты ранѣе, т. е. до седьмаго вселенскаго собора, то не были собраны въ особую богослужебную книгу. Что же бы вы могли сказать о Θεодорѣ Студитѣ и Іосифѣ пѣснописцѣ, если бы они въ наше время, а не прежде, явились и составили бы тѣ самыя пѣснопѣнія, которыя безъ всякаго сомнѣнія приняла святая церковь для своего употребленія при совершеніи Божественныхъ службъ? Несомнѣнно, что вы этихъ дивныхъ риѣотворцевъ, а вмѣстѣ съ ними и всю церковь, принявшую ихъ пѣснопѣнія, обвинили бы въ еретичествѣ, также, какъ нѣкогда обвинили Никона Патріарха и всю церковь впадшими въ ересь за то только, что они исправили вкравшіяся погрѣшно-

сти въ чинахъ и обрядахъ. Догматовъ церковь не касалась, не желалъ измѣнять соборнаго установленія о неприкосновенности догматовъ. Въ томъ только случаѣ церковь и могла бы погрѣшитель, если бы она измѣнила что либо изъ догматическихъ опредѣленій св. Вселенскихъ соборовъ, какъ о семъ свидѣтельствуется книга о Вѣрѣ въ 22 главѣ. Тамъ сказано такъ: „егда словеса источаются, о православнѣй вѣрѣ догматѣхъ, яко бы тако рекль, духовная, тако же и мѣрская власть всякая, въ догматѣхъ вѣры злѣ разумѣваемая, аще бы и ангельскія чести была, осуждена будетъ, и проклятiю поддана. Отсюду Христова церковь, на всяко возношеніе достоинствъ, и апостольскихъ престоловъ, власти не обзирающися, яко же папѣжевъ. тако и патріарховъ еретиковъ осуждаетъ, и отъ достоинствъ отметаеть и проклятiю предаеть“ . (л. 196).

Противъ приведенныхъ свидѣтельствъ старообрядцы ничего не возражали и постарались завести рѣчь о слабостяхъ и погрѣшностяхъ православнаго духовенства. Преимущественно укоряли духовенство въ корыстолюбіи.

Одинъ изъ старообрядцевъ старался доказать, что недугомъ корыстолюбія въ православной церкви страдаютъ не частныя только лица изъ духовенства, но будто бы всѣ. Въ подтвержденіе своего обвиненія онъ указывалъ на то, что священники позволяютъ себѣ брать деньги даже за совершеніе таинства крещенія, не смотря на то, что за крещеніе брать деньги закономъ церковнымъ строго воспрещается.

Я попросилъ указать, гдѣ именно изложено запрещеніе священникамъ пользоваться добровольнымъ вознагражденіемъ отъ прихожанъ за трудъ совершенія таинства крещенія.

Старообрядецъ открылъ Кормчую и на листѣ 293 прочиталъ: „Духа бо образъ есть голубъ. Да изринеть Господь святителя отъ святительства. Иже бо злата ради поставляй проклять. Но и иже кто отъ крещенія даръ и чистоту продаеть діаволу, сей прода голубъ свой, и того ради изгонится вонъ изъ церкви“ .

Прочитавъ это, старообрядецъ сказалъ: вотъ видите, Кормчая строго запрещаетъ продавать за деньги даръ крещенія, а ваши священники его продаютъ, всегда требуя ихъ за совершеніе крещенія.

Я сказалъ: вы неправильно толкуете смыслъ прочитаннаго. Слова: „иже отъ крещенія даръ и чистоту продаетъ діаволу“ нельзя относить на счетъ священника; они не къ нему обращены, но къ тому, кто получаетъ отъ таинства крещенія даръ благодати Св. Духа и чистоту (голубь); что ясно и доказывается самымъ оборотомъ рѣчи: „иже кто отъ крещенія даръ“, а не „крещенія даръ“ и проч.

По вашему мнѣнію, священникъ, получая вознагражденіе за совершеніе таинства крещенія, какъ бы продаетъ даръ и чистоту діаволу. Но такое пониманіе несообразно съ общимъ смысломъ всей рѣчи. Вы говорите, что священникъ даръ крещенія и чистоту продаетъ за деньги. Но деньги за трудъ онъ получаетъ или отъ крещаемого или отъ воспріемника. И если по вашему мнѣнію священникъ, дѣйствительно, продаетъ даръ крещенія, то онъ продаетъ его крещаемому, а не діаволу; а въ разсматриваемой рѣчи говорится: „иже кто отъ крещенія даръ и чистоту продаетъ діаволу, сей прода голубь свой“.

И такъ, разсматриваемыя слова неприложимы къ священнику, но относятся они всецѣло къ лицу, получившему во святомъ крещеніи даръ Святаго Духа и чистоту отъ первороднаго грѣха, и потомъ по какимъ либо житейскимъ корыстолюбивымъ расчетамъ измѣнившему обѣтамъ святаго крещенія и чрезъ то потерявшему чистоту души и благодать Св. Духа, полученныя имъ во св. крещеніи, или, что тоже сказать, продавшему голубь свой.—Старообрядцы возразили: а священникъ развѣ не продаетъ голубь свой, когда онъ отказывается крестить младенца, если ему не дадутъ тридцать копѣекъ? Я отвѣтилъ: священникъ обязанъ крестить младенца во всякомъ случаѣ, дадутъ ли ему что за трудъ или не дадутъ; и я не знаю такого примѣра, чтобы

какой либо младенецъ остался безъ крещенія потому только, что священнику не уплатили за трудъ крещенія. Но если бы кѣмъ было доказано, что, дѣйствительно, какой либо священникъ отказался совершить таинство крещенія надъ младенцемъ потому только, что ему не уплатили 30 копѣекъ, то онъ понесъ бы наказаніе за вымогательство; а добровольное воздаяніе за трудъ ему не возбраняется получать. Если допустить то, что священнику воспрещено получать вознагражденіе за совершеніе таинства крещенія, то необходимо также допустить, что онъ не долженъ пользоваться имъ за совершеніе таинствъ брака, елеосвященія и др., потому что и въ нихъ также преподается благодать Св. Духа. Но этого допустить старообрядцы не могутъ, потому что и у нихъ наставники получаютъ приличное вознагражденіе за всѣ, совершаемыя ими, требы и даже большее, чѣмъ наши православныи священники. Въ справедливости послѣднее мысли старообрядцы по необходимости должны были сознаться.

6-го Августа, часовъ въ 9-ть, я пріѣхалъ въ Имись. Въ рамѣ совершалась Божественная литургія, я поспѣшилъ въ храмъ. Народу въ церкви было много. Служба совершалась неспѣшно, торжественно, благообразно. Вся обстановка праздничнаго Богослуженія производила въ душѣ благоговѣйное настроеніе.

(Продолженіе будетъ).

Свящ. *Тихвинскій*.

З А П И С К И

Енисейскаго Епархіального противораскольническаго миссіонера.

Послѣ литургіи я пригласилъ мѣстнаго священника о. Александра Евтюгина сопутствовать мнѣ въ деревню Мажарку и

далѣе въ деревню Тюхтять для собесѣдованія тамъ съ старообрядцами и сектантами; онъ съ готовностію принялъ мое предложеніе и мы немедленно отправились. Прибывъ въ Мажарку (въ 20 верст. отъ Имыса), мы пригласили на бесѣду старообрядцевъ; пришли добровольно и молокане. Бесѣдовали во дворѣ. Бесѣду я началъ, по молитвѣ, краткимъ словомъ, въ коемъ изложилъ существенныя свойства церкви Христовой, отличіе ея отъ церквей ложныхъ, еретическихъ и уяснилъ значеніе догмата и обряда. Ссылаясь на книгу о вѣрѣ, я показалъ, что совершавшіяся отступленія еретиковъ отъ церкви, обозначенныя въ 30 главѣ сей книги, ясно доказываютъ, что старообрядческія общества продолжаютъ составлять рядъ этихъ отступленій отъ церкви Христовой, согласно предрѣченію апостола, сказующему: „яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣціи отъ вѣры“ (Тим. 4, 1). Сама же церковь Христова, по слову Самого Христа Спасителя: „созижду церковь мою и врата ада не одолѣютъ ей“, а въ книгѣ о вѣрѣ добавлено: „ниже противъ Его апостольскимъ престоломъ“, — остается цѣла и невредима и ни отъ кого не отступить. Но горе тѣмъ, кто оставляетъ мать свою, святую Церковь Христову! ибо сказано о нихъ въ упомянутой книгѣ о вѣрѣ [гл. 1): „удаляющіися отъ цркви Сионскія, врази Божіи бываютъ, а бѣсомъ друзи“.

Послѣ сказаннаго, я попросилъ старообрядцевъ объяснить, почему они, не смотря на очевидныя и ясныя свидѣтельства старопечатныхъ книгъ объ истинности церкви Греко — Восточной, явно обличающихъ неправоту старообрядчества, не примирятся съ ней, любвеобильною матерью своею, и блуждаютъ въ упорномъ отчужденіи отъ нея. — Старообрядцы исчислили причины отдѣленія, именно, произведенныя яко бы Никономъ Патріархомъ измѣненія въ книгахъ богослужебныхъ; въ частности указывали на служеніе литургіи на 5-ти просфорахъ вмѣсто седми, какъ бы исключительно употреблявшихся въ древности.

Я спросилъ: перечисленные предметы, послужившіе поводомъ въ отдѣленію старообрядцевъ отъ церкви, суть ли догматы, или обряды? Вопросъ былъ обращенъ къ начетчику, но онъ, не отвѣчая на вопросъ, заводилъ рѣчь о чемъ то неотносящемся къ дѣлу, но я требовалъ отвѣта на вопросъ предложенный. Кто-то сказалъ, что начетчикъ, стало быть, не знаетъ, какъ отвѣчать. Тотъ, обидѣвшись на замѣчаніе, сказалъ: „какъ? я не знаю! я больше всѣхъ васъ здѣсь знаю, а вы ничего не знаете“. Тѣмъ не менѣе, „знающій“ на предложенный вопросъ отвѣта не далъ и мнѣ самому пришлось объяснить весь почти символъ вѣры по порядку, чтобы дать надлежащее понятіе о догматахъ вѣры. Затѣмъ я изъ потребника привелъ свидѣтельство, что для совершенія Божественной литургіи собственно нужна одна только просфора; то же подтвердилъ и словами ап. Павла: (1 Кор. 10, 17) „единъ хлѣбъ, едино тѣло, есмы мнози: вси бо отъ одинаго хлѣба причащаемся“, и словами св. Евангелія: „и приѣмъ Исусъ хлѣбъ (единъ хлѣбъ, а не многіе), и благословивъ, преломи и даде“... (святымъ своимъ ученикомъ) (Марк. 14, 22.) На семъ основаніи и говорится въ Номоканонѣ, что по скудости или недостатку въ хлѣбахъ можно и на единой просфорѣ литургисати. Кромѣ того, были приведены и другія свидѣтельства изъ книги Озерскаго объ употребленіи въ древности пяти и шести просфоръ при совершеніи литургіи.

Такія маловажныя причины, говорилъ я, не суть основанія для отдѣленія отъ Церкви именуемыхъ старообрядцевъ; основаніемъ подлинно важнымъ къ отдѣленію старообрядцевъ отъ церкви могло бы послужить нарушеніе православною церковію догмата хотя бы одного какого либо, но въ этомъ старообрядцы не имѣютъ права заподозрить православную церковь. — Начетчикъ сказалъ: „вы символъ вѣры измѣнили, Духа святаго истиннымъ не почитаете, — въ 8-мъ членѣ слово: „истиннаго“ убавили. Я отвѣтилъ: „мы вѣруемъ, что Духъ Святой есть Истинный Богъ, спокланяемый и славимый равночестно Отцу и Сыну“. Но такъ

какъ такого отвѣта недостаточно было для старообрядцевъ, то пришлось доказывать еще правильность православнаго чтенія символа вѣры при помощи старопечатныхъ книгъ и проч. Бесѣда въ послѣдующемъ продолжалась мирно.—Послѣ бесѣды съ старообрядцами изъявили свое желаніе побесѣдовать съ нами молокане; но я отклонилъ ихъ желаніе исполнить, тотчасъ: обѣщаясь побесѣдовать съ ними на другой день по возвращеніи изъ деревни Тюхтятъ, куда мы съ отцомъ Александромъ немедленно и отправились. На утро (Августа 7-го) въ дер. Тюхтятъ старообрядцы въ числѣ 15-ти человѣкъ пришли на дворъ моей квартиры, гдѣ и устроена была бесѣда. Бесѣдовали о вѣчности священства и о таинствахъ св. Церкви Христовой. Въ заключеніе я прочиталъ слово Св. Игнатія Богоносца къ Тралліанамъ, въ которомъ ясно и убѣдительно доказываетъ онъ необходимость присутствія въ церкви трехъ чиновъ священства и достоюжнаго почитанія ихъ.

На бесѣдѣ старообрядцы здѣшніе держали себя скромно и мирно. Замѣтно, что у нихъ мало грамотѣевъ. А можетъ быть у нихъ грамотѣи и есть, но они почему то не выступали такъ смѣло и грубо съ своими возраженіями, какъ это свойственно большинству начетчиковъ.

Послѣ бесѣды съ старообрядцами я нѣкоторое время бесѣдовалъ съ однимъ баптистомъ. Въ числѣ иныхъ вопросовъ, баптистъ предложилъ мнѣ слѣдующій вопросъ: „почему это Господь, зная, что многіе изъ людей будутъ грѣшить и будутъ осуждены на вѣчныя, ужаснѣйшія мученія, творилъ ихъ; лучше было ихъ не творить?“

Я отвѣтилъ: Господь по благи Своей создалъ насъ, предоставивъ намъ свободную волю творить добро или зло; всѣ мы несомнѣнно глубоко благодарны Ему за то, что Онъ далъ намъ бытіе, этотъ драгоцѣнный даръ. Но виновенъ ли Богъ въ томъ, что мы во зло употребимъ данную Имъ намъ свободную волю, будемъ совершать разнообразныя мерзости и тѣмъ заслужимъ гнѣвъ Божій и осужденіе вѣчное? Во всякомъ случаѣ

Богъ не виновенъ, но мы сами въ томъ виновны. „Предложи хъ ти, говоритъ Господь, огонь и воду и на не же хоцещи, простреши руку твою“. Господь никого не творилъ для мукъ вѣчныхъ, но для жизни вѣчной, которую пріобрѣтаютъ весьма многіе, благо-разумно пользуясь свободною волею, направляя ее къ добру. Нельзя же было Богу лишать дара жизни и этихъ добрыхъ людей, имѣющихъ наследовать жизнь вѣчную въ Царствѣ Небесномъ, по той только причинѣ, что другіе люди созданные не пожела-ютъ дѣлать добро, а будутъ творить зло, имѣя свободную волю.

Баптистъ видимо какъ бы остался доволенъ отвѣтомъ. Уходя, онъ поблагодарилъ меня за бесѣду съ нимъ.

Спустя нѣсколько времени, подошелъ ко мнѣ одинъ старо-обрядецъ и просилъ меня сообщить ему свѣдѣнія объ австрійской, такъ называемой, іерархіи. Я рассказалъ ему о бѣгствѣ митро-полита Амвросія отъ Греческой церкви къ некрасовцамъ старо-обрядцамъ, указавъ ему на тѣ правила св. соборовъ и святыхъ апостоловъ, которыя были нарушены Амвросіемъ и старообрядцами въ принятіи перваго яко бы отъ ереси. Кромѣ того отецъ Але-ксандръ прочиталъ ему и довольно подробную исторію объ австрійскомъ раскольническомъ священствѣ изъ Енисейскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

На обратномъ пути мы заѣхали съ о. А. въ деревню Мажарку, гдѣ составили бесѣду съ молоканами. На бесѣдѣ ихъ было человекъ десять. Войдя въ комнату, молокане молча по-клонились до пояса, не ограждая себя крестнымъ знаменіемъ. Я спросилъ ихъ, почему они не держатся добраго обычая право-славныхъ осѣнять себя знаменіемъ креста Господня? Молокане отвѣтили: „вы молитесь иконамъ руками, а мы молимся Богу духомъ и истиной“. Я сказалъ: „при входѣ сюда, вы поклонились до пояса; между тѣмъ могли бы поклониться духовно, не на-клоняя тѣла?“

Отвѣтъ былъ: „при входѣ мы поклонились Богу духомъ, какъ Онъ есть Духъ чистѣйшій, а вамъ, какъ существамъ тѣлеснымъ,

оказали почтене видимымъ поклоненіемъ.

Я отвѣчалъ: видимое поклоненіе нимало непротивно и Богу; это видно изъ того, что Христосъ Господь принималъ поклоненіе отъ исцѣвленныхъ имъ, какъ напр., отъ кровоточивой женщины (Лук. 8, 44), отъ слѣпорожденнаго (Іоан. 9, 38), при вознесеніи Ему поклонились и св. Апостолы, и Самъ Онъ, молясь Богу Отцу Своему въ саду Геосиманскомъ, преклонялъ колѣна своя (Лук. 22, 41) и падалъ „на лица своемъ“ (Матѹ. 26, 39). Въ святомъ писаніи и прямо заповѣдуется прославлять Бога въ тѣлесѣхъ нашихъ и въ душахъ нашихъ (1 Кор. 6, 20).

Что же касается того, что мы поклоняемся предъ иконами, то это незначить, какъ вы несправедливо говорите, что мы молимся иконамъ. Икона не Богъ, а только изображеніе Его по человѣческому представленію и по тому, какъ изображаетъ Его св. писаніе, приписывающее Ему очи, уши, руки, какъ бы видимымъ образомъ. Пс. 33. Равно также и изображенія святыхъ на иконахъ не суть сами святые, но только образы ихъ. Посему и поклоненіе нами воздается не иконамъ, но при поклоненіи предъ иконой мысль наша возносится къ тому, кто изображенъ на иконѣ, возводится отъ образа къ первообразному. И такимъ образомъ вы никакъ не можете утверждать, что мы боготворимъ иконы, краски и пр. Наше поклоненіе православное совсѣмъ непохоже на то, какое воздавали и воздаютъ язычники своимъ изваяннымъ идоламъ, полагая, что идолы эти и суть самыя божества, сотворившія міръ и человѣка и управляющія ими, каковое поклоненіе противно Истинному Богу и воспрещено Имъ во второй заповѣди Закона Божія.

Молокане спросили: если Богу угодно купно съ духовнымъ поклоненіемъ и тѣлесное, то скажите, что же значать Его слова: „Истинніи поклонницы поклонятся Богу духомъ и истиною“.

Я отвѣтилъ: Самаряне съ Іудеями спорили изъ за мѣста, гдѣ должно поклоняться Богу. Іудеи доказывали, что поклоненіе Богу можетъ совершаться только въ Іерусалимскомъ храмѣ, а

Самаряне говорили, что слѣдуетъ поклоняться Ему только на горѣ Гаризинѣ. И такимъ образомъ и тѣ, и другіе истинное поклоненіе Богу поставляли исключительно въ зависимость отъ мѣста поклоненія. Такая приверженность Іудеевъ и Самарянъ къ мѣсту поклоненія, извращавшая истинный смыслъ поклоненія, по слову Христа Спасителя, и должна была получить конецъ. „Жено, говоришь Онъ, вѣру ми ими, яко грядеть часъ, егда ни въ горѣ сей, ни въ Іерусалимѣхъ поклонитесь Отцу“. (Іоан. 4.21.). И далѣе продолжаетъ: „но грядеть часъ, и нынѣ есть, егда истинніи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною“ (23). Сіи слова означаютъ то, что не отъ мѣста поклоненія будетъ зависѣть достоинство нашего поклоненія, а отъ частоты и непорочности нашего сердца, отъ кротости и смиренія, отъ сердечной вѣры и искренней любви къ Богу, съ которыми мы должны воздавать поклоненіе Богу. Это и есть поклоненіе духомъ и истиною. Кромѣ сего молоканами предложены были нѣкоторые и другіе вопросы и на всѣ сіи вопросы нами съ о. Александромъ даны были при Божіей помощи посильные отвѣты.

Часовъ въ 10 веч. при весьма неблагопріятной погодѣ мы возвратились въ Имисъ. Переночевавъ въ Имисѣ, я, уже безъ о. А., отправился въ деревню Курать (по Казыру). На пути въ Курать мы сбились съ возницей съ дороги, такъ какъ трактовой дорогой не ѣздили и, какъ впоследствии узналъ я, потому, что парома на Казырѣ по тракту не было, его унесло водой внизъ, гдѣ его и поставили. Селяне указали намъ прямой путь къ парому, но путь этотъ оказался неровный и топкій; въ одномъ мѣстѣ лошади мои завязли въ мочагахъ и тарантасъ опрокинулся. Прежде всего необходимо было сбросить книги. Къ благополучію онѣ оказались цѣлы и неподмочены. Съ большими трудностями достигли мы наконецъ до Курата. Деревня Курать имѣетъ до 100 домовъ, построилась очень еще недавно; населена исключительно одними старообрядцами, переселившимися

сюда съ Уса и изъ деревни Быстрой, что около Миусинска. Старообрядцы Курашскіе всѣ принадлежатъ къ числу безпоповцевъ, ранѣе были бѣглопоповцами. Въ одномъ только домѣ нашелся одинъ обитатель съ семьей, принадлежащій къ такъ называемому Бѣлокришницкому священству. У него я и нашелъ себѣ пріютъ. Такъ какъ народъ находился въ полѣ, то пришлось отложить бесѣду до утра. Утромъ на мое приглашеніе старообрядцамъ явиться на бесѣду пришли семь стариковъ и сердито заявили мнѣ, что я напрасно къ нимъ заѣхалъ. Одинъ старикъ сказалъ: „ты все это ѣздишь на счетъ того, чтобы прибавить насъ къ своей вѣрѣ? ты хоть сей часъ мнѣ голову на плаху клади, я ни за что не пойду въ твою вѣру“. „Ты отпусти насъ, говорили другіе, теперь время рабочее, намъ необходимо нужно ѣхать поскорѣе на работу“. Я спросилъ ихъ, будутъ ли они бесѣдовать со мной, если пріѣду къ нимъ въ праздникъ. Послѣ нѣкотораго колебанія дать согласіе, отвѣтили: „не то пріѣзжай, побесѣдуемъ“. — Я отбылъ въ деревню Таять. Дорога въ Таять идетъ по тайгѣ, весьма гористая, грязная, прорѣзанная деревянными корнями и весьма узкая, такъ что двумъ путникамъ на телѣгѣ разѣзжаться приходится съ нѣкоторыми затрудненіями.

Мѣстами, гдѣ дорога шла около Казыра, открывались живописные виды, доставляя разнообразіе въ пути и какъ бы ободряя путника.

Дорогой настигли насъ три пѣшехода, молодые люди; оказались охотниками. Одинъ изъ нихъ былъ православный, а двое старообрядцы. Весь остальной путь до Таять версты 3—4 эти путники шли около моего тарантаса, разговаривая со мною. Разговоръ касался преимущественно религіозныхъ предметовъ. Старообрядцы съ особеннымъ вниманіемъ выслушивали сообщаемыя мною имъ свѣдѣнія о жертвоприношеніи тѣла и крови Христовыхъ, имѣющихъ совершаться до самаго 2-го пришествія Господня. Подъ конецъ они свободно со мною разговаривали и сами предлагали мнѣ нѣкоторые вопросы. Въ этихъ молодыхъ, еще

не огрубѣлыхъ сердцахъ, не замѣтно было еще никакого проблеска фанатизма, присущаго многимъ раскольникамъ, и не проявлялось никакой враждебности по отношенію къ православію. Таять-деревня небольшая (домовъ 30), еще только строится. Населена старообрядцами, исключая одного православнаго семейства, въ которомъ два члена семьи были православные, остальные старообрядцы. Въ этомъ домѣ я имѣлъ пристанище.

Вечеромъ пришли ко мнѣ челоуѣка четыре для бесѣды; изъ нихъ одинъ былъ слѣпой старецъ, который оказался начетчикомъ. Бесѣду велъ онъ правильно, не перебивалъ моей рѣчи, пока я говорилъ; послѣ онъ начиналъ говорить и въ свою очередь требовалъ, чтобы я его выслушивалъ до конца. Побесѣдовавъ часа съ три изустно и прочтавъ изъ книгъ много о церкви, таинствахъ и священствѣ, мы разстались. Утромъ старецъ снова обѣщался придти на бесѣду и самъ вызвался собрать народъ для присутствія при бесѣдѣ. Часовъ въ 8 онъ дѣйствительно пришелъ; съ нимъ пришли еще семь челоуѣкъ. Бесѣда и на этотъ разъ велась преимущественно о вѣчности церкви Христовой и neodолѣнности ея отъ вратъ адовыхъ. По книгамъ я наглядно доказалъ старообрядцамъ, что приношеніе безкровной жертвы должно совершаться до 2 пришествія Христова. Бесѣда видимо произвела доброе вліяніе на слушателей, которые затѣмъ разошлись. Остался одинъ старецъ слѣпой. Я сѣлъ пить чай. Во время стола старецъ спросилъ: съ молокомъ ли я пью чай и нѣтъ ли на столѣ мясной пицци? Я сказалъ: въ постѣ грѣшно употреблять скоромную пищу. Онъ отвѣтилъ: „но я знаю, что есть не мало такихъ священниковъ, которые нарушаютъ св. посты“.

Я отвѣтилъ: Святой Апостоль Павелъ не велить намъ таковыхъ осуждать; онъ говоритъ такъ: „Ядый не ядущаго да не укоряетъ и не ядый ядущаго да не осуждаетъ: Богъ бо его пріять“ (Рим. 14, 3). „Тѣмъ же убо кійждо насъ о себѣ слово дастъ Богу“. Посему намъ не слѣдуетъ назирать чужіе грѣхи, а о своихъ помышлять, чтобы о нихъ дать отвѣтъ Богу. Господь

же и чрезъ недостойнаго священника всегда можетъ преподать разрѣшеніе грѣховъ кающемуся грѣшнику, лишь бы этотъ священникъ не былъ еретикъ.

Послѣ того старецъ пожелалъ говорить со мною наединѣ. Я затворилъ дверь комнаты, въ которой мы находились. Старецъ обратился ко мнѣ съ такими словами: „вы, отецъ, окончательно убѣдили меня въ правотѣ церкви православной, я желалъ бы присоединиться, но не знаю, куда мнѣ приклонить голову, такъ какъ я человекъ безродный, здѣсь же въ деревнѣ мнѣ, по присоединеніи, оставаться нельзя, забьютъ“. Затѣмъ онъ обратился ко мнѣ съ просьбою, чтобы я похлопоталъ о принятіи его куда либо въ монастырь въ число послушниковъ. Я обѣщался исполнить просьбу. Затѣмъ я уѣхалъ въ Курать. На другой день (это было Воскресенье) я устроилъ здѣсь бесѣду. Народу собралось много, въ числѣ ихъ пришли два начетчика.

Я проиѣлъ тропарь „Разрушилъ еси крестомъ Твоимъ смерть.“ Одинъ изъ наставниковъ предложилъ своимъ старообрядцамъ также положить началъ.

Но предложеніе своего наставника старообрядцы почему то не исполнили и, вѣроятно, потому, что многіе нынѣ старообрядцы поняли, что ихъ именуемые наставники не суть истинные пастыри, а лжецы и если еще слѣдуютъ за ними, то лишь по привычкѣ къ расколу или изъ опасенія подвергнуться преслѣдованіямъ со стороны закоренѣлыхъ раскольниковъ, въ случаѣ, если бы кто пожелалъ присоединиться къ православію.

Прежде бесѣды я обратился къ старообрядцамъ съ словомъ, въ которомъ указывалъ имъ на ихъ печальное раздѣленіе на многія общины, свидѣтельствующее, что въ ихъ общинахъ не находится истинной церкви Христовой, такъ какъ и слово Божіе и Отцы церкви увѣряютъ, что истинная церковь во всей вселенной есть едина, что имя ея есть имя согласія и единокупія. Это согласіе и единокупіе и видится всегда въ церкви православной, ибо въ ней выну пребываетъ Духъ Святой; онъ сохра-

няетъ ее въ цѣлости и неповрежденности, охраняетъ ее отъ раздѣленій, руководить ея пастырей, такъ что, не смотря на ихъ множество, они всѣ, какъ одинъ человѣкъ, согласно пасутъ стадо Христово и не имѣютъ между собою преній и несогласій изъ-за вопросовъ о вѣрѣ, какія присущи всегда старообрядческимъ пастырямъ. Всѣ пастыри церкви православной съ благоговѣніемъ чтутъ своихъ верховныхъ пастырей—восточныхъ патріарховъ и имѣютъ ихъ по подобію четырехъ Евангелистовъ, какъ и требуетъ того книга о вѣрѣ въ гл. 22. Въ Русской церкви вмѣстѣ съ Греко-Восточною сохранилось истинное православіе, потому что въ ней догматы и установленія святыхъ вселенскихъ соборовъ соблюдаются въ неповрежденности.

Старообрядческіе начетчики, выслушавъ мою рѣчь, стали возводить свои ложныя обвиненія на православную церковь, бранили православныхъ, называя ихъ формозятами, никоніанами и т. п.; толковали потомъ о сложеніи двуперстномъ, доказывая, что оно есть единственно правильное перстосложеніе, и не давали мнѣ произнести почти ни одного слова. Однако, когда стали читать въ книгѣ о вѣрѣ о двуперстіи, то я по другимъ книгамъ старался показывать несогласія въ изложеніи ученія о немъ. По окончаніи чтенія, я предложилъ начетчикамъ вопросъ: почему въ Великомъ Катихизисѣ повелѣвается полагать три перста на чело, а въ другихъ книгахъ два? Отвѣтъ былъ: катихизисъ не предписываетъ полагать на чело три перста, а два. Справились, и оказалось, что дѣйствительно требуется полагать три перста: „сложивши убо три персты десныя руки, и возлагаемъ на чело, таже на животъ, и на десное и на лѣвое рамо“. Начетчики стали въ затруднительное положеніе. Одинъ изъ нихъ, положивъ два перста на чело, сказалъ: „вотъ тутъ у меня и три перста находятся также на челѣ“. Я сказалъ: ты положилъ на чело два перста, а не три, какъ велитъ полагать катихизисъ; три же перста у тебя оказались приложенными къ носу. А если предположить, что и три перста положены также на чело, то

окажутся положенными на чело пять перстовъ, что также противно Катихизису. Начетчикъ чувствовалъ свою неловкость. Нѣкоторые вступились за него, подняли шумъ, слышались оскорбительныя выраженія по моему адресу; въ иныхъ же замѣтно было сочувственное одобреніе и къ моему слову.

Окончивъ бесѣду съ раскольниками, я, прощаясь съ ними, сказалъ: „если вы изъявите желаніе впредь со мной бесѣдовать, то я буду заѣзжать къ вамъ, а если не желаете, то неволить васъ мнѣ нежелательно“. Старообрядцы сказали: „ничего, дзаѣзжай; только ты по праздникамъ ѣздишь бы; а то ѣздишь въ будни“.

Благословляя Бога, благодарящаго мнѣ, я отбылъ отсюда домой.

Миссіонеръ, Священникъ

Іоаннъ Тихвинскій.